

Часть первая

Родичи

I

Пошел уже второй год с тех пор, как Эрленд, сын Никулауса, и Кристин, дочь Лавранса, поселились в Йорюндгорде, когда хозяйка решила сама отправиться летом на сетер.

Она обдумывала свое намерение всю зиму. В Шенне с давних времен повелось, что хозяйка усадьбы сама выезжает на летнее пастбище: когда-то в старину тролли заманили в горы дочь владельца этой усадьбы, и с той поры мать девушки каждый год сама поднималась на сетер. Но в Шенне вообще на все были свои порядки, жители округи давно с этим свыклись и принимали как должное...

В других больших поместьях не было в обычае, чтобы жены владельцев сами управлялись на выгонах. Кристин знала, что, если она отправится в горы, соседи станут дивиться и чесать языки. Господь с ними, пусть себе болтают. Они и без того, верно, чешут языки о ней и о ее семье.

...Все имущество Эудюна, сына Турберга, состояло в добром мече да одежде, что была на нем, когда он взял за себя Ингебьёрг, дочь Никулауса из Лоптсгорда. Эудюн принадлежал к свите хамарского епископа, и вот, когда епископ приехал сюда, на север, освящать новую церковь, Ингебьёрг и попала в беду. Никулаус, сын Сигюрда, сначала пришел в ярость и поклялся перед Богом и людьми, что конюху не бывать его зятем. Но Ингебьёрг разрешилась двойней, и люди, смеясь, говорили, что Никулаусу, видно, показалось накладно одному быть

кормильцем двоих внучат. Вот он и отдал Эудюну дочь в законные жены.

Случилось это через два года после свадьбы Кристин. Жители округа до сих пор не забыли этой истории и по-прежнему косились на Эудюна, как на чужака. Он был родом из Хаделанда и происходил из хорошей, но совершенно обедневшей семьи. В Силе его недолюбливали. Человек он был несговорчивый, нравом крут, памятлив на добро и зло, но в усадьбе хозяйничал умело и вдобавок знал толк в законах. Вот почему Эудюна, сына Турберга, по-своему уважали в округе и, уж во всяком случае, никто не хотел с ним ссориться.

Кристин вспомнила широкоскулое загорелое лицо Эудюна, обрамленное копной курчавых рыжих волос и бородой, его маленькие, острые, голубые глазки. Она находила в нем сходство то с одним, то с другим челядинцем из Хюсабю — ей часто случалось видеть такие лица среди слуг и гребцов Эрленда.

Кристин вздохнула. Видно, такому человеку легче утвердиться в родовом имении жены. Ему никогда прежде не приходилось владеть своим собственным...

Всю зиму и весну Кристин наставляла Фриду, дочь Стюркора, которая приехала с ними из Трондхеймской области и была теперь старшей служанкой в усадьбе. Вновь и вновь она рассказывала ей: вот так и так водится здесь, в долине, во время летних работ; косцы исстари привыкли к тому-то и тому-то, а к жатве следует приготовить то-то и то-то; впрочем, Фрида, верно, помнит, как сама Кристин делала это в прошлом году. Хозяйка хотела, чтобы в Йорюндгорде все шло так, как было заведено во времена Рагнфрид, дочери Ивара...

Однако прямо объявить, что сама она покинет летом усадьбу, Кристин не решалась. Вот уже две зимы и одно лето хозяйничала она в Йорюндгорде и сознавала, что уехать к осени на сетер — все равно что попросту сбежать из дому.

...Ей ли было не знать, как тяжело приходится теперь Эрленду. Еще на руках у кормилицы он усвоил, что рожден приказывать и вершить свою волю надо всеми и всем вокруг. И если он предоставлял потом другим повелевать и управлять собой, то поступал так, сам того не сознавая.

Держался Эрленд как ни в чем не бывало. Но сердце ее чуяло, что на самом деле он изнывает от тоски. Она сама... Отцовская усадьба в глубине тихой, защищенной горами долины; ровные поля вдоль серебристого русла реки, поблескивающей среди ольховой заросли; крестьянские дома на возделанных землях у подножия гор и нависшие над ними отвесные кручи, вздымающиеся высоко к небу темные вершины; светлые осыпи на крутых склонах, хвойные и лиственные леса, громоздящиеся вверх по крутизне от самой долины... Нет, теперь и ей этот край не казался самым надежным убежищем и самым красивым уголком на земле. Здесь не хватало простора. И уж кому, как не Эрленду, должно быть и тесно, и душно, и неприятно в этой глуши?

Но, глядя на Эрленда, никто не мог бы подумать, что он недоволен своей участью...

В тот день, когда в Йорюндгорде выпустили скот из хлевов, Кристин наконец объявила о своем намерении — объявила под вечер, когда все домочадцы собрались за ужином. Эрленд копался в блюде с рыбой, отыскивая в нем лакомые кусочки, — от изумления он так и замер, запустив пальцы в блюдо и уставившись на жену. Тогда Кристин поспешила добавить, что решается на этот шаг из-за глоточной, которая косит детей в долине; к Мюнану и без того липнет всякая хворь, вот она и хочет взять его и Лавранса с собой в горы.

— Ну что ж, — согласился Эрленд. — Тогда, пожалуй, самое разумное — захватить тебе с собой и близнецов.

Ивар и Скуюле подскочили на скамье и потом до конца ужина тараторили, перебывая друг друга: они хотели отправиться с Эрлендом на овечий выгон, расположенный к северу среди скал. За три года до этого пастухи из Силя

выследили вора, который крал овец, и убили его у входа в пещеру, где он скрывался в ущелье между Кабанами. Это оказался какой-то бродяга из Эстердала. Не успели домочадцы встать из-за стола, как Ивар и Скюле приволокли в горницу все свое оружие и стали приводить его в порядок.

Поздним вечером Кристин вышла со двора в сопровождении дочерей Симона, сына Андреса, и своих сыновей Гэуте и Лавранса. Арньерд, дочь Симона, провела большую часть зимы в Йорюндгорде. Девушке уже исполнилось пятнадцать лет, и как-то на Рождество в Формо Симон заметил, что пора бы Арньерд поучиться, как следует вести хозяйство, а дома ее некому наставить: работа спорится в руках у девушки не хуже, чем у любой из служанок. Тогда Кристин предложила взять Арньерд к себе и обучить ее всему, что сама умеет, — Кристин чувствовала, что Симон очень любит эту свою дочь и беспокоится о ее судьбе. Девочке и впрямь следовало поучиться другим порядкам в хозяйстве, не похожим на те, какие были заведены в Формо. После смерти родителей жены Симон, сын Андреса, стал одним из богатейших людей в округе. Он управлял своими владениями разумно и заботливо, с особенным рвением занимаясь хозяйством в Формо. Но в доме у него царил полнейший беспорядок — служанки вершили все дела по своему усмотрению; когда Симон замечал, что развал и запустение переходят все границы, он нанимал одну или двух новых работниц, но жене не говорил ни слова и, казалось, не хотел и не ждал, что она сама возьмет на себя заботы по дому. Видно было, что он все еще не считал ее взрослой; но он всегда был ласков и уступчив с Рамборг и кстати и некстати осыпал подарками ее и детей.

Кристин очень привязалась к девочке, когда узнала ее поближе. Арньерд была некрасива, но умна, скромна, обра и прилежна, и руки у нее были золотые. Когда девочка помогала ей по хозяйству или вечерами сидела подле нее за работой в ткацкой, Кристин жалела о том, что у нее самой нет дочери. Дочь больше тянется к матери...

Вот и сегодня Кристин вновь подумала об этом. Она шла по дороге, ведя за руку Лавранса, и смотрела вслед Гэуте и Арньерд, которые немного опередили ее. Ульвхильд носилась взад и вперед, разбивала ногой хрупкую корочку льда, затянувшего к вечеру лужицы. Она изображала какого-то зверька и поэтому вывернула свой красный плащ наизнанку, белым заячьим мехом наружу.

Внизу, в долине, сгущались тени, окутывая сумерками голые бурые поля. Но весенний вечер был словно пронизан светом. Первые бледные звездочки влажно поблескивали в высоком небе, там, где прозрачно-зеленые краски переходили в синеву, предвещающую наступление ночного мрака. Над черными гребнями гор по ту сторону долины еще держалась кромка золотого света, и его отблеск ложился на каменистую осыпь под скалой, где они проходили. А на самых высоких, одетых сугробами гребнях искрился снег и переливались над крутизной сосульки, рождая звенящие, журчащие и брызжущие ручейки, стекавшие по всему склону. Воздух над поселком был напоен журчанием воды — снизу ему вторил глухой рокот реки. А из всех рощиц, дубрав и из самой чащи леса неслоще щебетание птиц.

Один раз Ульвхильд остановилась и, подняв камень, бросила его в ту сторону, где пела птица. Тогда старшая сестра схватила ее за руку. Младшая послушно прошла рядом с ней несколько шагов, но потом вырвалась, умчалась по склону вдоль ручейка и возвратилась только тогда, когда Гэуте ее окликнул.

Они подошли как раз к тому месту, где тропинка углублялась в еловый лес; в гущине зазвенела стальная тетива. В лесу еще не стаял снег, от него тянуло холодком и свежестью. Чуть подальше, на прогалине, они увидели Эрленда с Иваром и Скюле.

Ивар стрелял по белке; стрела засела в стволе ели у самой верхушки, и теперь мальчик пытался ее сбить. Он бросал в нее камень за камнем, и каждый раз, когда Ивар попадал в ствол, могучее мачтовое дерево гудело от удара.

— Погоди-ка, дай я попробую, — сказал отец.

Он отбросил за спину складки плаща, поднял лук и небрежно прицелился в полумраке деревьев. Тетива задела, и просвистевшая в воздухе стрела вонзилась в ствол рядом с первой. Эрленд взял еще одну стрелу и снова выстрелил — одна из стрел, сидевших в дереве, с шумом стала падать вниз, путаясь в ветвях; у второй оказался расщеплен хвост, но жало крепко засело в стволе.

Скюле бросился подбирать стрелы, упавшие в снег, а Ивар продолжал пристально вглядываться в вершину ели.

— Это моя стрела осталась, отец. Весь наконечник ушел в дерево. Хороший выстрел — правда, отец? — И он стал объяснять Гэуте, почему он не попал в белку.

— Ты еще не собираешься в обратный путь, Кристин? Мне пора возвращаться. Завтра мы с Ноккве чуть свет уйдем за глухарями...

— Нет, — поспешно ответила Кристин. Она проводит девочек до усадьбы; ей надо поговорить с сестрой...

— Пусть тогда Ивар и Скюле пойдут с матерью, а я останусь с вами. Можно, отец? — попросил Гэуте.

Прощаясь, Эрленд поднял на руки Ульвхильд. Русые локоны девочки выбились из-под капюшона, и она была такая хорошенькая, румяная и свежая, что Эрленд расцеловал ее, прежде чем опустить на землю, а потом повернулся и вместе с Гэуте направился к дому.

Теперь, когда у Эрленда было сколько угодно досуга, он постоянно таскал за собой то одного, то другого из сыновей.

Ульвхильд взяла тетку за руку, прошла рядом с ней несколько шагов, но потом снова вихрем рванулась вперед и вмиг очутилась между Иваром и Скюле. Что говорить, Ульвхильд — красивый ребенок, но своенравный и необузданный. Будь у них дочь, она тоже ходила бы по пятам за Эрлендом...

В Формо они застали в горнице только Симона с сынишкой. Хозяин сидел на почетном месте, в середине стола, любуясь Андресом. Малыш ползал на коленях по скамье, играя старыми деревянными гвоздями; он старался поставить их стоймя на шляпки на краю столешницы. Увидев, чем занят ее братец, Ульвхильд даже забыла поздороваться с отцом. В одно мгновение она оказалась на скамье рядом с Андресом, схватила его за шиворот и, стукнув лбом об стол, стала кричать, что это гвозди ее и что ей их подарил отец.

Симон встал, чтобы разнять детей, но неловким движением задел маленькое фаянсовое блюдо, стоявшее у его локтя. Оно упало на пол и разлетелось вдребезги.

Арньерд полезла под стол подбирать черепки. Взяв черепки у дочери, Симон бросил на них сокрушенный взгляд: «Пожалуй, твоя мать разгневется на меня». Красивое, расписанное цветами блюдо из белого фаянса господин Андрес Дарре привез когда-то из Франции. Симон объяснил Кристин, что после смерти отца блюдо досталось Хельге, но она подарила его Рамборг. Обе женщины считали его большой драгоценностью. Услышав в сенях голос жены, Симон поспешно спрятал осколки за спину.

Войдя в горницу, Рамборг поздоровалась с сестрой и племянниками. Потом сняла плащ с Ульвхильд, и девочка, подбежав к отцу, стала ластиться к нему.

— Какая ты нарядная, Ульвхильд. Нынче будний день, а на тебе серебряный пояс... — Но Симон не мог обнять девочку, потому что руки у него были заняты.

— Я была в Йорюндгорде у тети Кристин, поэтому матушка нарядила меня, — живо ответила Ульвхильд.

— Да, твоя мать балует и наряжает тебя как куклу. Ты так хороша, что тебя впору поставить украшением в нашей церкви, — улыбаясь, сказал Симон.

Из всех работ по дому Рамборг признавала только одну — шить платья для дочери; Ульвхильд всегда была разряжена как картинка.

— Отчего ты прячешь руки? — спросила мужа Рамборг.

Симон протянул ей черепки:

— Да вот, не знаю, что ты на это скажешь...

Рамборг взяла черепки:

— Из-за этого нечего стоять с дурацким видом...

Кристин стало неловко. Симон и вправду выглядел очень глупо, пряча осколки за спиной, как нашаливший ребенок. Но по ее мнению, сестре не следовало так разговаривать с мужем.

— Я думал, ты станешь сердиться, что твое любимое блюдо разбилось, — сказал муж.

— Ты всегда прикидываешься, будто боишься меня рассердить каким-нибудь пустяком, — возразила Рамборг. Кристин и Симон увидели, что глаза ее полны слез.

— Ты отлично знаешь, Рамборг, что я не прикидываюсь, — сказал Симон. — И не только когда речь о пустяках...

— Ничего я не знаю, — ответила жена прежним тоном. — Тебе никогда не приходит в голову говорить со мной о серьезных делах, Симон...

Она круто повернулась и вышла из горницы. Симон постоял, глядя ей вслед. Потом сел, и тогда сынишка подошел к нему и попросился на руки. Посадив Андреса на колени, Симон прижался подбородком к затылку ребенка, но, казалось, не слышал, что он лепечет.

Помолчав, Кристин заметила с легким колебанием в голосе:

— Рамборг уже не дитя, Симон. Вашей старшей дочери минуло семь лет...

— Что ты хочешь сказать? — спросил Симон с горячностью, показавшейся Кристин неуместной.

— Ничего худого, но, верно, сестре моей кажется, что ты напрасно обращаешься с ней как с ребенком... Я думаю, она могла бы больше вникать в дела хозяйства и помогать тебе распоряжаться в усадьбе...

— *Моя* жена распоряжается всем, чем пожелает, — резко ответил Симон. — Никогда я не потребую от нее, чтобы она вникала в то, что ей не по душе. Но никогда я не мешал ей распоряжаться в Формо всем, чем ей вздумается. А если тебе чудится другое, значит ты не знаешь...

— Да нет же, нет, — перебила его Кристин. — Мне только кажется, ты иной раз забываешь, что Рамборг повзрослела с тех пор, как ты взял ее за себя. Не забудь...

— Не забудь и *ты*... — Спустив малыша на пол, Симон вскочил с места. — Не забудь, что мы с Рамборг пришли к согласию... а с тобой мы сговориться не могли...

В это мгновение в горницу вернулась Рамборг с пивом для гостей. Симон быстро подошел к жене и обнял ее рукой за плечи:

— Слышишь, Рамборг. Сестра твоя думает, что ты недовольна своей участью... — Он засмеялся.

Рамборг подняла взгляд на сестру; ее большие темные глаза странно блеснули.

— Вот как? Отчего же это? Ведь я, как и ты, получила то, что хотела, Кристин. Уж если мы с тобой, сестра, не будем довольны своей участью, то я, право, не знаю... — Она тоже засмеялась.

Кристин вспыхнула гневным румянцем. Она отказалась от угощения.

— Уже поздно, нам пора домой. — Она оглянулась на сыновей.

— Полно, Кристин! — Симон взял чашу из рук жены и заставил свояченицу выпить вместе с ним. — Не сердись. Может, я и наговорил тебе лишнего, но нам, родителям, не к лицу ставить друг другу каждое лыко в строку... Садись, отдохни немного и позабудь, если я ненароком обидел тебя... Я устал, — добавил он и, потянувшись, зевнул. Потом спросил, как идут весенние работы в Йорюндгорде. В Формо уже вспахали все поля к северу от дороги, ведущей к усадьбе.

Кристин поспешила проститься так скоро, как это позволяли приличия. Симону нет нужды ее провожать,

сказала она, заметив, что он накинул плащ с капюшоном и взял в руки топорик, — с нею взрослые сыновья. Но Симон заупрямился и даже предложил Рамборг, чтобы она тоже проводила сестру хотя бы до тропинки между изгоролями. Обычно Рамборг отказывалась, но тут вышла и проводила их до самой дороги.

Ночь была темным-темна, и небо усеяли звезды. В морозном воздухе веяло уже теплым вешним запахом свежееудобренных полей. Во мраке со всех сторон журчала и звенела вода.

Симон и Кристин стали подниматься по дороге к северу, мальчики убежали вперед. Кристин чувствовала, что ее спутнику нужно о чем-то поговорить с ней, но не хотела помочь ему завязать разговор — она все еще сердилась на него. Она любит своего зятя, но все же есть мера тому, что она может от него выслушать. Какие-де счеты между родичами... Но он ведь должен понимать: как раз потому, что он показал себя таким верным другом в их трудные дни, ей нелегко терпеть его грубость и вспыльчивость — она ведь не вправе дать ему отпор. Кристин вспомнила первую зиму после своего приезда в здешние края: Рамборг послала за нею, потому что Симон тяжело заболел и лежал в горячке, с нарывом в горле. Он по временам страдал этой болезнью. Она тотчас явилась в Формо и пошла к больному, но он не позволил ей не то что осмотреть себя, но даже приблизиться к постели. Он пришел в такую ярость, что Рамборг в полном отчаянии попросила у сестры прощения за то, что понапрасну побеспокоила ее. Симон не лучше обошелся с ней самой, объяснила она сестре, когда заболел в первый раз после того, как они поженились, и она захотела ухаживать за ним. Если у него появлялись нарывы в горле, он скрывался в старом доме, который они прозвали горницей Семунда, и не подпускал к себе никого, кроме отвратительного, грязного, вшивого старика по имени Гюнстейн, который служил в Дюфрине еще до того, как родился Симон... Выздоровев, Симон явился к свояченице,

чтобы объясниться с ней. Он, мол, терпеть не может, когда кто-нибудь видит его во время болезни. Уж очень унижительное это дело для взрослого мужчины. Кристин в сердцах возразила на это, что не может с ним согласиться: она не видит в его болезни ни греха, ни позора.

Симон проводил свояченицу до самого моста. По дороге они перемолвились лишь несколькими словами о погоде, о полевых работах, вновь повторяя то, о чем уже беседовали в усадьбе. Симон пожелал ей спокойной ночи, потом вдруг спросил:

— Ты не знаешь, Кристин, чем я обидел Гэуте? За что твой сын на меня сердится?

— Разве он сердится? — удивилась она.

— Неужто ты не заметила? Он сторонится меня. А когда я заговариваю с ним, отвечает нехотя, сквозь зубы...

Кристин покачала головой. Нет, она ничего не заметила.

— Разве что ты как-нибудь пошутил, а он обиделся на твои слова. Ведь он еще ребенок...

По ее голосу Симон понял, что она улыбается. Тогда он тоже усмехнулся:

— Что-то я не припомню такой шутки...

Он еще раз пожелал ей спокойной ночи и повернул к дому.

В Йорюндгорде все уже стихло. В горнице было темно, угли в печи едва тлели. Бьёргюльф лежал в кровати, но не спал; он объяснил матери, что отец и братья ушли уже довольно давно.

В супружеской постели спал Мюнан. Мать легла рядом с мальчиком и обняла его.

...Нелегко ей заговорить об этом с Эрлендом. Но неужто он сам не может взять в толк, что нельзя уводить с собой старших сыновей и гонять с ними по лесу в самый разгар страды...

Конечно, она никогда не ждала, что Эрленд сам пойдет за плугом: он не провел бы толком и одной борозды.

Да и Ульву вряд ли пришлось бы по вкусу, если б Эрленд вздумал вдруг вмешиваться в дела хозяйства. Но сыновья ее не могут вести такую жизнь, какую вел в отроческие годы их отец: учился владеть оружием, ходил на зверя, скакал на лошадях или часами просиживал за шахматами со священником, которому надлежит втолковать рыцарскому сыну начатки латинской и прочей книжной премудрости да научить его петь и играть на струнных инструментах. Кристин потому-то и держала в усадьбе так мало прислуги, что хотела, чтобы сыновья ее с малых лет поняли: их доля — крестьянский труд. Сыновьям Эрленда теперь не приходилось и мечтать о рыцарских доспехах.

Но из всех ее детей в одном только Гэуте чувствовалась крестьянская закваска. Он был трудолюбив, но ему едва исполнилось тринадцать лет. К тому же Кристин знала: стоит отцу поманить его, и он тоже бросит все и пойдет за ним...

И однако нелегко ей заговорить об этом с Эрлендом. Она дала себе зарок: от нее самой супруг ее вовеки не услышит ни единого слова, какое могло бы внушить ему мысль, будто она осуждает его поведение или ропщет на участь, которую он навлек на себя и на их сыновей. Но как же иначе втолковать ему, что их сыновьям должно учиться своими руками обрабатывать землю родной усадьбы? «Вот если бы Ульв поговорил с ним об этом?» — думала Кристин...

Когда скот погнали с весеннего пастбища на сетер в Хёвринген, Кристин отправилась в горы с пастухами. Близнецов она с собой не взяла. Подросткам шел уже одиннадцатый год, и они были самыми своевольными и упрямыми из всех ее сыновей. Матери было особенно трудно справляться с ними, потому что они всегда горой стояли друг за друга. Когда ей удавалось держать Ивара при себе, он становился уступчивей и послушней, но Скуюле был дерзок и вспыльчив, и стоило близнецам оказаться вместе, как Ивар тотчас начинал плясать под дудку своего брата.

II

Однажды ранней осенью Кристин вышла в три часа пополудни из своей хижины на сетере. Пастух сказал ей, будто на лесной вырубке, что лежит внизу по склону, если идти вдоль реки, тьма-тьмушая цветущего медвежьего уха.

Кристин без труда отыскала вырубку; на крутом склоне жарко припекало солнце — самое время собирать цветы. Они густым ковром разрослись на порубках и между кучами камней — высокие светло-желтые стебли, униженные мелкими раскрытыми звездочками. Кристин усадила Мюнана собирать малину за кучей хвороста, из-за которой он не мог выбраться без ее помощи, и приказала собаке стеречь его. Сама она вынула нож и стала срезать стебли, то и дело оглядываясь на малыша... А Лавранс шел рядом с матерью и тоже срезал цветы.

Здесь, на сетере, она все время трепетала за своих двух меньших детей. Правда, теперь она уже не так боялась нечистой силы. Соседи с других сетеров уже давно разъехались по усадьбам, но она хотела пробыть в горах до самого осеннего праздника Девы Марии. Ночами теперь бывало непроглядно темно и очень страшно, когда завывал ветер, страшно, когда приходилось выходить в потемках из дому. Но зато здесь стояла чудесная погода, а в долине в этот год была засуха, и сено накосили плохое. Мужчинам, как видно, придется провести в горах всю позднюю осень и зиму. Впрочем, ее отец говорил, что никогда не замечал, чтобы на их сетере в зимнее время селился кто-нибудь чужой...

Кристин остановилась у одинокой ели посреди склона, придерживая рукой тяжелую охапку цветочных стеблей. Отсюда открывался вид на север, вдали виднелись склоны Довре. По крестьянским дворам стоял в скирдах хлеб...

Там тоже желтели спаленные солнцем луга. Но ей казалось теперь, что здесь, в долине, вообще никогда не

бывает по-настоящему зелено — так зелено, как в Тронд-хейме...

Да, она тосковала теперь по дому, который у них был там. По усадьбе, которая гордо раскинулась на широкой груди горы, а далеко вокруг простирались луга и пашни, сбегая по склонам гор к чернолесью, которое спускалось к самому озеру на дне долины. По широким далям, открывавшимся взору над низкими лесистыми кряжами, которые волнами набегали друг на друга и тянулись к югу до самых хребтов Довре. По лугам, зарастающим летом такой буйной травой и рдеющим красными цветами под красным закатным небом, по зеленой сочной осенней отаве...

Да, теперь случалось и так, что ее одолевала тоска даже по фьорду... Тоска по песчаным отмелям в Биргси, по лодкам и парусникам у причалов, по береговым складам, по запаху смолы, рыбацких сетей и моря — по всему тому, что было так немило ее сердцу, когда она впервые приехала на север...

А Эрленд! Как ему не тосковать по этим запахам, по морю, по соленому ветру?..

Теперь ей не хватало всего того, что когда-то выводило ее из терпения: большого, шумного хозяйства, челяди, бряцания оружия и звяканья конской сбруи во дворе, где вечно сновали люди Эрленда, вереницы гостей, которые то и дело сменялись в усадьбе, привозя важные известия о том, что делается в стране, и мелкие сплетни о житье-бытье в городе и в округе. Кристин казалось, что ее жизнь опустела с тех пор, как умолкла вся эта суета...

А торговый город с его церквами и монастырями и званые пиры, которые задавали в своих домах знатные люди... Как бы ей хотелось вновь пройти по тем улицам в сопровождении слуги и служанки, заходя в купеческие лавки, выбирая товары, прицениваясь и торгуясь, или подняться на борт какой-нибудь купеческой шхуны и закупить там всякой всячины: английского полотна на повязки, узорчатых покрывал, деревянных лошадок с всад-

никами, которые бросают копье, стоит лишь дернуть за веревочку. Она вспоминала луга, которые тянутся за чертой города в Нидарейде, как она гуляла по ним со своими детьми, глядя на ученых собак и медведей, которых показывали скоморохи, и покупая малышам медовые коврижки и орехи...

А иногда ей вдруг так неудержимо хотелось нарядиться. Надеть шелковую рубашку и тонкую полотняную повязку. И светло-голубое бархатное платье без рукавов, которое Эрленд купил ей в последнюю зиму перед их бедой. Глубокий вырез на груди был оторочен горностаем, так же как и проймы, прорезанные до самых бедер, так что в них виден был пояс, перехватывающий талию...

И потом еще иногда она мечтала... Да нет же! Что это с ней?.. Другая бы радовалась на ее месте, что больше не рождает детей... Когда прошлой осенью, после убоя скота здесь, в долине, она захворала... Хорошо, что все кончилось так, как оно кончилось. И все же она поплакала немало в первые ночи после несчастья...

Ей казалось, что уже целую вечность она не держала младенца у своей груди. Мюнану минуло только четыре года, но ведь ей пришлось отдать его чужим людям, когда ему было всего несколько месяцев. А когда она вновь увидела его, он уже научился ходить и говорить и не узнал своей матери...

Ах, Эрленд, Эрленд! Она ведь знает, чувствует в глубине души, что он только прикидывается таким — таким равнодушным ко всему на свете. Он, которого снадало вечное беспокойство, теперь с виду обрел невозмутимый покой. Так бурный поток, на пути которого вдруг вырос крутой утес, смирившись, покорно струится в обход к тихой заводи среди топи. Эрленд слонялся по Йорюндгорду, ничего не делая, и зазывал то одного, то другого сына делить с ним это безделье. Или брал сыновей с собой на охоту. А иногда он отправлялся на озера и там смолил и приводил в порядок лодку и рыбачьи снасти. Или вдруг

принимался объезжать молодых жеребцов. Но с этим у него дело не ладилось, потому что он был слишком нетерпелив...

Он держался особняком и вел себя так, точно не замечал, что никто из соседей не ищет его дружбы. Сыновья подражали отцу. А в округе их не любили, этих чужаков, которых несчастье забросило в долину и которые, живя здесь, остались прежними гордецами, ни с кем не сблизались и ни во что не ставили местные свычаи и обычаи. Но पुще всех невзлюбили в поселке Ульва, сына Халдора: он открыто выказывал свое презрение к жителям долины, называл их дурачьем и деревенщиной. Тех, кто вырос вдали от морского берега, Ульв вообще не считал за людей...

Да и она сама — Кристин знала, что у нее самой немного теперь осталось друзей в родном краю...

Кристин выпрямилась во весь рост в своем домотканом зеленовато-буром платье и заслонила рукой глаза от золотого потока закатного солнца...

На севере виднелась полоска долины с серебристо-зеленой лентой реки, а дальше одна за другой теснились горные кручи с мутно-желтыми от камней и лишайника склонами, и где-то вдали, среди расселин и провалов, их снеговые вершины сливались с облаками. Прямо перед ней гора Рост выдвинула одно колено вперед, тесня долину. Логену приходилось здесь круто изгибать свое русло; до нее доносился снизу глухой ропот реки, пробивавшей себе путь в глубоком ущелье, где она прыгала с уступа на уступ, пенясь и кипя. А над замшелым склоном утеса синели вдали две широкие горы, которые отец Кристин сравнивал с женскими грудями...

Нет, не хорошо, не привольно здесь Эрленду, здесь он не может дышать...

На этом самом горном склоне, только чуть дальше к югу, ближе к родным местам, она встретила однажды в детстве горную деву.

Красивый, застенчивый и ласковый ребенок с густыми шелковистыми волосами и круглыми, нежными и румяными щечками... Женщина закрыла глаза, подставляя загорелое лицо потоку солнечного света. Будь она теперь молодой матерью с сосками, набухшими от молока, и с сердцем, только что освободившимся от бремени, обновленным и щедрым, как свежераспаханная земля, — тогда все может стать... Но такой, как она, не грозит никакая опасность. Троллям не придет в голову заманивать ее к себе. Горному королю вряд ли вздумается надеть золотой убор невесты на такую худую, изможденную женщину. И Хульдра не захочет приложить своего младенца к ее иссякшей груди. Она казалась себе такой же высохшей и жесткой, как старый корень ели под ее ногами, цепко обвившийся вокруг камней. Она с силой топнула по нему башмаком.

Два малыша, которые уже давно возились подле матери, тотчас повторили ее движение, изо всех сил затопали ногами по корню, а потом с любопытством спросили:

— Почему вы так сделали, матушка?

Опустившись на землю, Кристин положила на колени цветы и стала ощипывать и стряхивать в корзину распутившиеся чашечки медвежьего уха.

— Потому что ботинок жмет мне в пальцах, — наконец ответила она, когда дети уже давно занялись другим делом. Но они нисколько не удивились — они привыкли, что мать часто не слышит, когда к ней обращаются, или вдруг, очнувшись, отвечает тогда, когда они совсем забыли, о чем спрашивали.

Лавранс помогал матери обрывать головки. Мюнан не хотел отстать от брата, но только портил хрупкие венчики. И мать безмолвно, не гневаясь, по-прежнему погруженная в свои мысли, отобрала у него цветы. Соскучившись, мальчики затеяли игру, а потом подрались, стегая друг друга ощипанными стебельками, которые мать отбрасывала в сторону.

Они барахтались у материнских коленей. Кристин любовалась двумя круглыми русыми головками. Пока еще между ними было большое сходство, у обоих почти один и тот же оттенок темно-русых волос, но по каким-то едва заметным, почти неуловимым приметам мать уже знала, что они вырастут совсем разными. Мюнан будет похож на отца: у него такие же синие глубокие глаза и густые шелковистые волосы, которые мягкими волнами и завитками лежат на головке; с годами они станут черны как смоль. Детское личико с пухлыми щечками, которые она так любит сжимать в ладонях, ощущая их нежную округлость, вытянется и удлинится, когда он станет чуточку старше. У него будет отцовский высокий и узкий лоб с впалыми висками, прямой, резко очерченный треугольник носа с тонкой переносицей и красивыми трепещущими ноздрями, который уже определился на лице Нокве и явственно наметился у близнецов.

У Лавранса в младенчестве были светлые, как лен, шелковистые кудрявые волосы. Теперь они стали цвета лесного ореха, но на солнце отливают золотом. Они все еще блестящие и мягкие, но уже не такие шелковистые, как прежде, к тому же они стали гуще. Перебирая их пальцами, она чувствовала, какой плотной шапкой они лежат на его голове. Лавранс походил на нее самое. У него были серые глаза, круглое лицо с широким лбом и круглый, мягко очерченный подбородок. Она знала, что, и достигнув возмужалости, он останется белолиц и румян точно кровь с молоком.

У Гэуте тоже был румянец во всю щеку. Этот мальчик удивительно походил на ее отца: те же мягкие очертания слегка удлиненного лица, темно-серые глаза и копна блестящих белокурых волос.

Только в Бьёргюльфе она не могла уловить сходства ни с кем из своей родни. Он был самый рослый из ее сыновей, широкоплечий, плотный и мускулистый. Черные как вороново крыло волосы круто вились над низким,

широким и белым лбом. Глаза были темно-синие, но совсем без блеска, и мальчик сильно шурился, всматриваясь в даль. Она не заметила, когда это у него началось, потому что всегда выходило так, что этому сыну она уделяла меньше всего заботы. Не успел он появиться на свет, как его отняли от материнской груди и отдали кормилице, а одиннадцать месяцев спустя у Кристин уже родился Гэуте, который первые четыре года своей жизни все время хворал. Она еще не оправилась после рождения близнецов и ходила едва живая, с болями в пояснице, как ей снова пришлось возиться с больным Гэуте, таскать большого мальчика на руках, и она не успевала даже взглянуть на новорожденных, разве когда Фрида приносила ей Ивара, который, проголодавшись, поднимал крик; тогда она давала ему грудь — но тут снова начинал кричать Гэуте. «Я не могла, Пресвятая Дева Мария, ты ведь знаешь, я была не в силах заботливей нянчить Бьёргюльфа...» Да и ему самому было больше по нраву, когда его оставляли в покое, он любил все делать по-своему, рос своенравным и несловоохотливым, и, казалось, ему досаждало, когда мать пыталась приласкать его. Она думала, что Бьёргюльф самый выносливый из ее сыновей: он напоминал ей маленького черного упрямого бычка...

Но постепенно она поняла, что у него неладно с глазами. Когда Бьёргюльф и Ноккве жили в монастыре в Тэутре, монахи пытались его лечить, но это, как видно, не помогло...

Он становился все более замкнутым. Все попытки сблизиться с ним терпели неудачу. Она заметила, что это не удастся и отцу. Бьёргюльф, единственный из ее сыновей, не расцветал, точно луг под лучами солнца, когда Эрленду приходило в голову заняться им. Только с Ноккве Бьёргюльф держал себя по-иному, но, когда мать пыталась говорить со старшим сыном о его брате, тот всякий раз уклонялся от разговора. Быть может, и Эрленду в этом повезло не больше, чем ей... Хотя Ноккве так беззаветно любит отца...

Что говорить! Взглянув на детей Эрленда, сразу можно было сказать, кто их отец... Когда она в последний раз ездила в Нидарос, она видела этого младенца из Ленсвика. Во дворе собора Спасителя она столкнулась с господином Бордом. За ним шествовала целая процессия мужчин, женщин и челядинцев. Одна из служанок несла на руках младенца. Когда они поравнялись с Кристин, Борд, сын Осюльва, учтиво и невозмутимо приветствовал ее. Жены с ним не было...

Только на одно мгновение мелькнуло перед Кристин личико ребенка. Но и этого было довольно. Оно как две капли воды походило на те крошечные лица, которые она прижимала к своей груди...

Ее сопровождал тогда Арне, сын Яввалда, и он, конечно, не удержался и дал волю языку — уж таков был у него нрав. Наследники господина Борда, мол, просто из себя выходили, когда зимой появился на свет этот ребенок. Но господин Борд дал ему при крещении имя Осюльв. Он вел себя так, точно ни на миг не сомневался: между Эрлендом, сыном Никулауса, и фру Сюннивой никогда не было ничего, кроме обычной дружеской приязни, которая всем была известна. Но Эрленд — человек болтливый и несдержанный, ничего мудреного, что он проговорился женщине о своих планах. И она лишь исполнила свой долг, предупредив служилых людей короля, как только у нее зародилось подозрение. Будь они слишком близкими друзьями, Сюнниве, уж конечно, было бы известно, что ее собственный брат тоже замешан в этом заговоре. Когда Хафтур Грэут в тюрьме лишил себя жизни и вечного блаженства, она чуть с ума не сошла от горя и готова была взвести на себя какой угодно поклеп. Никто не станет придавать значение подобному оговору. С этими словами господин Борд обвел взглядом всех присутствующих и положил руку на рукоять своего меча, рассказывал Арне...

Арне пересказал эту историю и Эрленду. Кристин возилась как-то на чердаке стабюра, а мужчины стояли

под галереей и не подозревали, что она слышит их разговор. Арне говорил, что рыцарь из Ленсвика души не чаёт в мальчике, которого жена родила ему прошлой зимой, — Борд ни минуты не сомневался в своем отцовстве.

— Ну что ж, ему лучше знать, — ответил Эрленд. И по его голосу она сразу представила, как он, опустив глаза, улыбается одним уголком рта.

— Господин Борд терпеть не может своих родичей, которые стали бы его наследниками, умри он бездетным, — продолжал Арне. — Но люди говорят, что это все-таки несправедливо...

— Ему самому лучше знать, — повторил Эрленд прежним тоном.

— Что верно, то верно, Эрленд, а все-таки этот малыш один унаследует больше, чем семь сыновей, которых ты прижил с женой...

— О *моих* семи сыновьях я сам позабочусь, Арне.

Тогда она спустилась вниз. Она не могла стерпеть, чтобы этот разговор продолжался. Увидев Кристин, Эрленд слегка смутился. Он подошел к ней, стиснул ее руку и встал позади жены, касаясь грудью ее плеча. Она поняла, что, стоя так и глядя на нее сверху вниз, он как бы подтверждает свое последнее заверение, как бы хочет ее поддержать...

...Кристин почувствовала, что Мюнан смотрит на нее: глаза у него были испуганные. Видно, она улыбнулась про себя — не слишком доброй улыбкой. Но когда мать перевела взгляд на малыша, он тотчас улыбнулся ей, робко и неуверенно.

Тогда она страстно прижала его к груди. Ведь он еще совсем крохотный, ее младший сыночек, и она еще может целовать и ласкать его! Она подмигнула ему одним глазом, и он силился подмигнуть ей в ответ, но у него зажмуривались сразу оба глаза. Мать весело рассмеялась, тогда и Мюнан залился звонким, как колокольчик, смехом, а Кристин стискивала и душила его в своих объятиях...

Лавранс сидел поодаль, прижимая к себе собаку. Они оба прислушивались к звукам, доносившимся снизу, из леса.

— Это отец! — И собака, а за ней мальчуган вприпрыжку помчались вниз по крутому склону.

Кристин помедлила немного. Потом встала и приблизилась к самому краю обрыва. Внизу, на тропинке, показались Эрленд, Ноккве, Ивар и Скюле. Они весело и задорно поздоровались с ней.

Кристин ответила на приветствие. Спросила, не за лошадьми ли они пришли. «Нет», — сказал Эрленд. За лошадьми Ульв вечером пришлет Свейнбьёрна. А они с Ноккве собрались идти на оленя, и близнецы решили проводить их, чтобы навестить мать.

Она не ответила. Она поняла еще прежде, чем спросила. Ноккве вел на поводке собаку. Оба они с отцом были одеты в куртки из грубого серого сукна с вотканными черными прядями шерсти — почти неотличимые от каменистых склонов. Все четверо были вооружены луками.

Кристин спросила, что нового в усадьбе, и, пока они поднимались в гору, Эрленд рассказывал ей обо всем. Жатва уже в самом разгаре. Ульв доволен урожаем, хотя на дальних пашнях солнце пожгло озимые хлеба и до времени созревшее зерно осыпается с колосьев. А овес уже скоро поспеет. Ульв твердит, что надо торопиться, чтобы все вовремя убрать... Кристин молча кивнула, но не сказала ни слова.

Кристин сама доила в хлеву. Она любила эти часы, любила сидеть в полумраке у крутого бока коровы, вдыхая теплый запах парного молока. «Ширк-ширк», — доносилось откуда-то из темноты, где доили пастух и скотница. Здесь все навевало удивительный покой: резкий, жаркий запах хлева, поскрипыванье ивовых дверных петель, стук рога, толкнувшегося о дерево, чмокание копыт,

увязнувших в навозной жиже на земляном полу стойла, взмахи коровьего хвоста, отгоняющего мух... Только трясогузки, которые летом свили себе гнезда в хлеву, теперь уже улетели...

В этот вечер коровы вели себя беспокойно. Серая попала ногой в подойник. Кристин, сердито прикрикнув, ударила ее. Другая корова пугливо шархнула, едва только хозяйка прикоснулась к ней, — у нее были трещины на сосках. Кристин сняла с пальца обручальное кольцо и первую струю молока пропустила через него.

С тропинки под косогором доносились голоса Ивара и Скуюле. Они с гиканьем бросали камни в чужого бычка, который каждый вечер увязывался за их стадом. Близнецы сами напросились помочь Финну доить коз в загоне, но, как видно, работа им быстро прискучила...

Когда, кончив доить, мать вышла из хлева, близнецы уже нашли себе другое занятие: они мучили хорошенького белого теленка, которого она подарила Лаврансу, а Лавранс поодаль хныкал, глядя на них. Мать опустила ведра на землю и, схватив за плечи обоих сорванцов, оттолкнула их, приказав оставить в покое теленка, коли этого требует его хозяин...

Эрленд и Ноккве сидели на завалинке у порога дома. Между ними лежал круг свежего сыра, они отщипывали от него по кусочку, ели сами и угощали Мюнана, который стоял у коленей Ноккве. Старший брат надевал на голову малыша волосяное сито и уверял, что Мюнан стал невидимкой, потому-де что это вовсе не сито, а волшебная шапка, и все трое смеялись. Но, завидев мать, Ноккве тотчас протянул сито ей и, встав, взял ведра у нее из рук.

Кристин долго мешкала в клетке, куда снесла молоко. Верхняя створка двери, ведущей во внутреннее помещение, была приоткрыта; в очаге полыхало яркое пламя. Эрленд, его сыновья, служанка и трое пастухов ужинали, расположившись у самого огня.

Когда она вошла в горницу, все уже отужинали. Двух младших уложили на боковые скамьи, и они, как видно,

давно заснули. Эрленд съезжился в постели. Она споткнулась о его куртку и сапоги, подняла их, отложила в сторону и вышла.

В небе еще не сгустилась тьма, и на западе над гребнями гор тянулась красная полоска; в прозрачном воздухе изредка проплывали темные облачка. Все обещало на завтра ясную погоду: и удивительная тишина и морозец, который стал крепчать с наступлением ночи. Ветра не было, но с северо-запада тянуло ледяным холодом от мерного дыхания голых скал. На юго-востоке над холмами вынырнула луна, почти полная, большая и розоватая из-за легкой дымки, всегда стоявшей над тамошними болотами.

Где-то вдалеке раздалось мычание чужого бычка. Но кругом было так тихо, что сердце сжималось тоской, и только шумела река у подножия их сетера, журчал ручей, сбегавший по лугу, да глухо шелестел лес: пошепчется хвоя, затихнет и снова зашепчет...

Она стала прибирать деревянные ведра и корыта, стоявшие у стены хижины. Из дома вышли Ноккве и близнецы.

— Куда вы? — спросила мать.

Они объяснили, что хотят устроиться на сеновале, — в клети хоть топор вешай от запаха свежего сыра и масла, да к тому же там ночуют пастухи.

Однако Ноккве не сразу поднялся на сеновал. Мать видела, как он светлой тенью мелькнул вниз, на покосе у опушки, за которой темнела зеленая чаща леса. А спустя несколько мгновений на пороге показалась служанка. Она испуганно отпрянула, увидев у стены хозяйку.

— Ты еще не ложишься, Астрид? Час уже поздний...

Девушка пробормотала, что ей понадобилось выйти на двор. Кристин дождалась, пока служанка вернулась в дом. Ноккве шел шестнадцатый год. С недавнего времени мать стала приглядывать за служанками, которые охотно заигрывали с живым и красивым юношей.

Кристин сошла по тропинке к реке и опустилась на колени у самой воды. Прямо перед нею чернел широкий

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. РОДИЧИ	5
Часть вторая. ДОЛЖНИКИ.....	143
Часть третья. КРЕСТ	337